

СОЛДАТЫ WAFFEN-SS РАСКАЗЫВАЮТ О БОЯХ В НОРМАНДИИ ЛЕТОМ 1944 ГОДА

ЭГОН ШУЛЬЦЕ/EGON SCHULZE

РАДИСТ ТАНКОВОГО ЭКИПАЖА

10-я Танковая Дивизия SS Frundsberg

Дивизия Frundsberg прибыла в Нормандию 25 июня 1944 г. в район, расположенный между городами Кан/Caen и Виллер-Бокаж/Villers-Bocage.

Как только началось вторжение в Нормандию, мою дивизию перебросили из России в Нормандию, куда она прибыла в конце июня. Мы сразу же пошли в бой против британских войск, которые наступали на юго-запад от Кана.

Солдаты дивизии Frundsberg в атаке на позиции британцев под Каном
<https://au.pinterest.com/pin/506725395550870626/>

Поскольку я немного учил английский в средней школе, мне и еще двум моим товарищам приказали обустроить центр сбора военнопленных в деревне, расположенной сразу же за линией фронта близ Высоты 188, за которую в тот момент шли бои. Деревня была пустой, поэтому мы начали искать безопасное место - дом, который мог бы хоть в какой-то степени защитить нас от постоянного артиллерийского огня. Мы нашли дом с прочными подвалами, однако и нам, и нашим пленным пришлось самим заботиться о пропитании. Когда все было обустроено, пленных отвели в подвал. Это были молодые парни, такие же, как мы, были они в сильном замешательстве, хотя и рады тому, что для них война уже закончилась. Я попытался поговорить с ними и добился какого-то уровня взаимопонимания: мы согласились в том, что война лишена смысла и в похожих вопросах. Все время вокруг дома падали снаряды, вынуждая нас оставаться в подвале. Британцы оставались с нами на протяжении двух или трех дней, а затем их перевели подальше в тыл, чтобы разместить здесь новых пленных. За те 14 дней я встретил множество интересных людей. Я всегда брал с собой пару пленных, когда выбирался на поиски пропитания в моменты затишья. Поскольку я обращался с пленными хорошо, я надеялся на то, что могу положиться на них и они не станут пытаться убежать. По лугам, окружающим деревню, все еще бродили

коровы хотя у всех у них были раны от осколков артиллерийских снарядов. Однако, их можно было употребить в пищу, поэтому мы убили одну из них. Один из пленных был поваром, и он приготовил нам отличное жареное мясо. Когда мы сидели и ели, вражеская артиллерия открыла по нам огонь, и один снаряд угодил прямо в наш дом, при этом повар был тяжело ранен. По счастью, вечером того же дня прибыла машина, чтобы забрать пленных, и о том парне позаботились...

Как я уже говорил, когда начинался артобстрел, мы все прятались в подвалах и, когда мы сидели в них, пленные доставали фотографии и показывали их мне. Все мы были в одной лодке. Через 14 дней нам пришлось оставить эту деревню и отступить. Вскоре мы попали в окружение неподалеку от города Фалез/Falaise, и наступила страшная неразбериха. 18 августа мы получили приказ занять места в танках и спасти наших товарищей, окруженных американцами. На пути к месту я увидел на одном из перекрестков своего друга Руди, но не смог ничего сказать ему, потому что мы были под огнем в тот момент. Добравшись до места, мы увидели, что уже около 60% участка было в руках противника. К сожалению, там были расположены все наши склады боеприпасов. Мы без колебаний взорвали склады, чтобы они не достались врагу, хотя и были под постоянным огнем. Однако к тому моменту весь этот участок уже был окружен противником. Полный хаос, артиллерийские дуэли всюду и везде, в небе бомбардировщики и штурмовики, танки бьются с танками. Участок, который мы удерживали, продолжал сжиматься. Мы попытались прорваться к расположению своей части в танковой атаке, но нашей части просто больше не существовало. Теперь каждый был сам за себя.

Вечером 19 августа нам удалось собрать воедино несколько отрядов из разных частей, чтобы попытаться вырваться [из кольца], но ситуация была безнадежной. Тем не менее, продвигаясь там, где уже находился противник, мы обнаружили, что находимся в безопасности! Хотя там было полно британских и американских танков, они не стреляли по нам и просто дали нам пройти мимо. Само по себе продвижение в ночное время держало нервы на пределе. У нас не было конечной цели, радиосвязь с командованием была потеряна. Все пространство вокруг нас было усеяно трупами немцев и солдат союзных войск, сожженными танками и машинами. На рассвете мой танк и одна самоходка вышли к какому-то перекрестку в лесу. Я услышал издали звук работающего пулемета MG42 – вероятно, это было рядом с линией фронта! Неожиданно начался обстрел, и самоходка загорелась, но мы [по-прежнему] не видели противника. Затем танк резко рванулся вперед, и мы проскочили перекресток дорог. Одну из наших гусениц сорвало снарядом, и мой танк остановился обездвиженный посреди разбитых грузовиков, пушечных лафетов и трупов... Нас оставалось трое. Мы решили взорвать танк и попытаться вырваться пешим ходом, но, едва выбравшись из танка, мы попали под пулеметный огонь с обеих сторон дороги – оба мои товарища были убиты. Я остался один. Что было делать? Поскольку вокруг продолжали взрываться снаряды, я забрался обратно в танк, закрыл люк и стал ждать, пока что-нибудь не произойдет и пока не появится кто-либо. Около полудня я услышал шум моторов и затем увидел, как колонна машин, танков и грузовиков, заполненных британскими солдатами, проследовала мимо меня. Затем на перекрестке остановились две санитарные машины американцев. За рулем и в кабинах сидели немецкие солдаты и санитары. Они выбрались из машин, осмотрели все тела, разбросанные поблизости, и убедились в том, что все мертвы. Я высунулся из танка, чтобы получше разглядеть, что происходит. Парни сказали, что пробыли в плену уже четыре дня и что они ищут раненых немцев. Поскольку я не был ранен, они не могли взять меня с собой, и я вновь оказался сам по себе. Стемнело. Я по-прежнему не знал, что предпринять дальше. Шагая по лесу, я набрел на дом, в котором было полно моих товарищей из *Waffen-SS* и несколько парашютистов. Они готовились к очередной попытке вырваться [из окружения], и я решил присоединиться к ним. Однако затем мы попали под огонь британских танков... Соппротивление было бесполезным: мы были посреди занятой противником территории и были вооружены чем попало, поэтому мы сдались в плен. Было это 21 августа 1944 года...

ЭВАЛЬД КРАССМАН/EWALD KRASSMAN

SS-UNTERSCHARFÜHRER

SS-Panzer Nachrichten Abteilung (связист)

9-я Танковая Дивизия SS Hobenshaufen

Дивизия получила приказ отправляться в Нормандию в середине июня 1944 г. переброска людей и техники к линии фронта заняла 10 дней. Бои в тот период времени отличались исключительной жесточенностью и сопровождались большими потерями с обеих сторон.

Как-то раз, в течение двух дней, с нами в фургоне [радиосвязи] был захваченный в плен канадский летчик. Эти два дня мы обращались с ним как с одним из своих парней, делясь с ним своими пищевыми рационами. Поскольку он немного говорил по-немецки, мы с ним вполне нашли общий язык. В итоге, мы передали его в один из пунктов по сбору военнопленных. Непосредственно перед тем, как покинуть нас, он повернулся и сказал, что доволен тем, что не попал в плен к эсэсовцам! Тогда мы показали ему эсэсовские руны на своих воротниках. Его лицо покраснело, затем побледнело*. Он побывал среди наводивших на всех страх врагов и даже не отдавал себе в этом отчет: в бою мы носили скрывающий эсэсовские знаки различия камуфляж поверх униформы.

КАРЛ-ХАЙНЦ ДЕККЕР/KARL-HEINZ DECKER

SS-STURMANN (UNTERSCHARFÜHRERANWARTER)

25-й Пехотный Полк SS

12-я Танковая Дивизия Hitlerjugend

В первый же день вторжения мы получили приказ быстро выдвинуться к линии фронта и понесли первые потери от атак штурмовиков союзников. Мы заняли позиции в окрестностях Кана, но я не могу припомнить, что это был за район. Город страшно пострадал в результате атак британских бомбардировщиков. Мы удерживали позиции около месяца без больших потерь. Полагаю, было 7 июля, когда после интенсивного артобстрела, мы вступили в бой, после чего нам пришлось отступить через сам Кан. С того момента нам приходилось менять позиции почти каждую ночь, так как линия фронта по обе стороны от нас была прорвана противником. Во время одной из атак, когда, я думаю, мы атаковали вражеский плацдарм, мы попали под сильный обстрел из лесных зарослей. Артиллерийский снаряд разорвался прямо там, где продвигалось мое отделение. У одного из моих товарищей были изранены обе ноги и задело руку, другому разнесло ногу. Вокруг не было санитаров, поэтому нам пришлось тащить их на перевязочный пункт на треугольном куске водонепроницаемой ткани (*Zeltbahn – водонепроницаемая накидка; из нескольких накидок можно было собрать палатку - ВК*). По этой причине я потерял контакт с моей ротой, и меня отправили в одну из дивизионных боевых групп.

В ночь с 16 на 17 августа мы прибыли в район города Фалез. Здесь мы сразу же попали под сильный пулеметный огонь – огневые трассы рассекали вокруг нас темноту. Мы укрылись меж домов, затем заняли один из них. Это была местная школа. Из этого здания хорошо просматривался перекресток дорог, через который продвигались транспортные колонны канадцев с грузами. Мы открыли по ним огонь. Они направили против нас танк, но он был выведен из строя панцерфаустом (Panzerfaust) и позднее его отбуксировали куда-то. Группа канадцев атаковала нас, после чего им удалось занять дома на

противоположной от нас стороне улицы. Помню, что на нашей стороне улицы была длинная стена и какой-то сад...

Zeltbahn (Цельтбан) использовался немцами, как накидка, а также для быстрой установки палатки <http://www.e-sarcoinc.com/zeltbahn.aspx>

В главном здании за ранеными ухаживали наши санитары, которым помогали попавшие к нам в плен. Среди раненых был сильно пострадавший канадец, которому была нужна немедленная помощь. Под флагом Красного Креста, сделанным из белой простыни с нарисованным кровью крестом, наш санитар и пленный канадец воспользовались короткой паузой в стрельбе и оттащили раненого на сторону противника. Так наш собственный санитар стал военнопленным, но уже вскоре он был освобожден и вернулся к нам.

Наше положение было безнадежным, и мы стали планировать прорыв. Вечером 17 августа мы оставили наши позиции и просочились через сад к главному зданию. Мы попрощались с ранеными и санитаром, который решил остаться с ними. Оказавшись посреди улицы, мы попали под интенсивный огонь противника, снова укрылись в домах и стали ждать рассвета, чтобы вновь попытаться прорваться. Под прикрытием атаки нашей авиации (совсем большая редкость тогда!) мы сумели проскользнуть мимо позиций противника и пошли на звуки стрельбы, намереваясь выбраться к своим, но безо всякого успеха. К этому моменту от нас осталось 18 человек. Мы шли несколько часов, нам было нечего есть, и мы выбились из сил, поэтому мы подошли к какой-то ферме и попросили дать нам поесть и предоставить возможность отдохнуть. Здесь мы немного отлежались, но уже через час оказались в плену: фермер выдал нас врагу. Сегодня я знаю, что мы побывали в так называемом Фалезском котле...

ВИЛЬГЕЛЬМ ФЕХТ/WILHEM FECHT

SS-SHÜTZE

SS-Werfer Abteilung (Дивизион Реактивных Минометов)

12-я Танковая Дивизия SS Hitlerjugend

Когда началось вторжение в Нормандию, наше подразделение не было полностью оснащено техникой. Лишь одна из батарей имела машины, и только в конце июня наша вторая батарея вступила в бой. Нас перебрасывали к линии фронта ночами, чтобы избежать атак с воздуха. В нашей батарее было 36 стволов (вероятно, речь идет о том, что в ней было шесть 6-ствольных минометов – ВК), используя которые, мы давали противнику хорошую трепку, особенно близ Высоты 112 около Кана. После каждого второго залпа мы меняли позицию, чтобы не дать противнику возможности засечь нас. Наш боевой дух всегда был высок. Чего нам не хватало так это Люфтваффе – наших самолетов вообще не было видно в воздухе. Ну а со стороны противника была столько всего, с чем нам пришлось смириться – нам даже пришлось нередко бывать под ковровой бомбежкой. Иногда мы должны были вести неприцельный огонь по танкам противника. Случалось, противнику удавалось засечь нашу

позицию с точность до двух метров, если мы использовали рацию. [В итоге], только 20 человек из нас выбрались из Фалезского котла – остальные погибли или попали в плен.

Солдаты дивизии Hitlerjugend после неудачной атаки под Каном 9 июня 1944 г.

<http://worldwartwo.filminspector.com/2016/01/12th-ss-panzer-division-hitlerjugend.html>

ЭРХАРД КИНШЕР/ERHARD KINSCHER

SS-STURMMANN

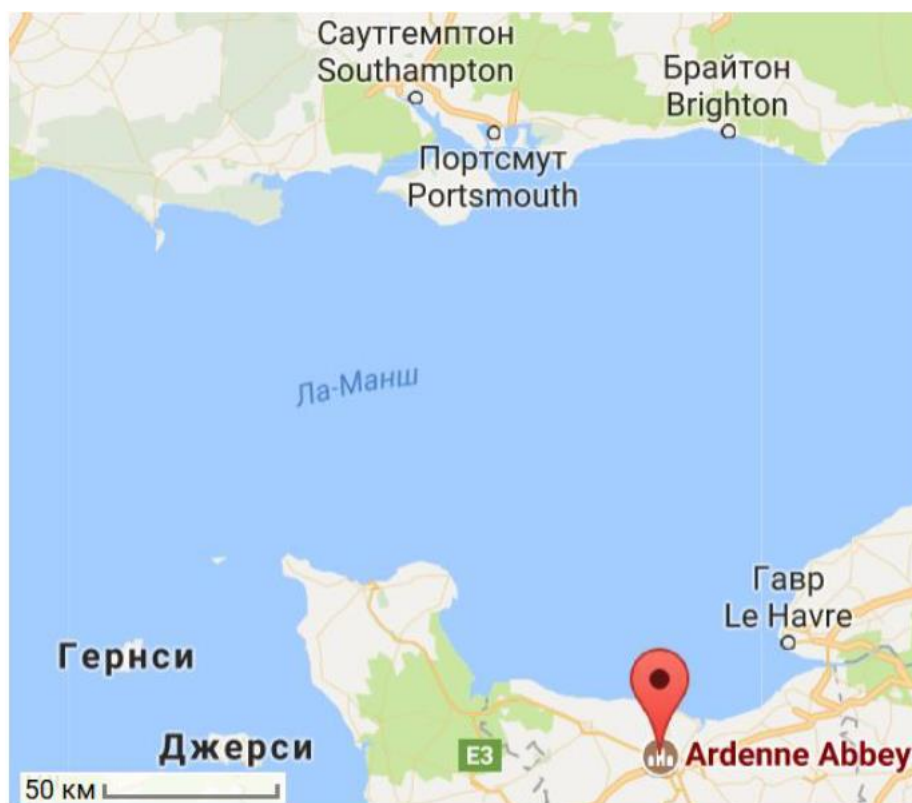
25-й Пехотный Полк SS

12-я Танковая Дивизия SS Hitlerjugend

Под вечер 8 июля я получил приказ от обер-лейтенанта Камински (Kaminski) из 13-й Роты взять пулемет MG42 и, вместе с Хампелем (Hampel, SS-sturmmann) и вестовым из этой роты, прикрыть отступление полка. Я повесил себе на шею ленту с тремя сотнями патроном и загнал еще одну ленту с сотней патронов в затвор. Мы тронулись в путь,

остальные следовали за мной, когда мы продвигались сквозь разрушенные здания и проходили мимо склада боеприпасов, горевшего напротив церкви. Чтобы получить хороший сектор обстрела для нашего MG42, я вышел из северо-западных дверей аббатства, которое уже находилось под артиллерийским огнем противника. Напротив меня была невысокая стена, за ней находился луг с живой изгородью по краям. Я оглянулся назад и увидел своего третьего номера метрах в 50 позади себя. Я хотел узнать, что находится за живой изгородью, поэтому перебрался через стену и пошел через луг. На полпути я попал под сильный огонь и услышал крики Хампеля: «Эрхард, давай назад, назад!» Я выпустил целую ленту по кустарниковой изгороди и затем рванул зигзагами назад, перепрыгнул через стенку и скрылся из поля зрения противника.

Мы коротко посоветовались и решили пробраться через территорию Арденнского аббатства на его северо-западную сторону. К северу от нас мы могли видеть [деревню] Кюссе/Cussey. То, что мы увидели, поражал воображение: столько там было вражеских танков и пехоты. Через короткий промежуток времени до нас добрался начальник штаба роты унтерштурмфюрер Кнайп (Kneip). Дым над местностью постепенно рассеялся, и мы разглядели, что противник захватил Арденн/Ardenne (вероятно, речь идет об Арденнском аббатстве, расположенном на северо-западной окраине города Мондвилль/Mondeville – ВК).

Местоположение Арденнского аббатства

Хотя мы спрятались внутри здания, но по нам открыли огонь с разбитой крыши зернохранилища – там раньше находился наш командный пункт. Однако, ответный огонь нашего MG42 и ручная граната заставили противника замолчать. Затем, когда унтерштурмфюрер Кнайп решил осмотреться через дыру в стене, пулеметная очередь угодила ему в грудь. Через этот небольшой просвет в стене он получил семь пуль. Мой товарищ Хампель оттащил его в укрытие. Чтобы разглядеть, откуда велась стрельба, я осторожно вышел в дверь и подобрался к той самой низкой стене. Когда я подошел к ней, в поле зрения появился вражеский солдат. Я остановился, нацелив прямо ему в живот свой MG42, но, по счастью, он был один и не заметил меня... Когда мы все вернулись туда, где лежал Кнайп, он быстро пожал нам всем руки и тихо скончался. Мы отсиживались в этом укрытии какое-то время, но ничего не происходило. Если я видел какое-то подозрительное движение, я выпускал в этом направлении пулеметную очередь, и движение

прекращалось. С наступлением рассвета до нас донеслись звуки артиллерийского и минометного огня, но, слава богу, где-то в стороне от нас. Но так продолжалось недолго: вскоре снаряды стали падать рядом с нами. Мы покинули укрытие и метрах в 900 к востоку наткнулись на наш пункт сбора. Когда мы появились там, штурмбаннфюрер Милиус (Milius) сказал мне: «Киншер, а вы что здесь делаете?» Очевидно, они уже списали нас, как погибших. За мое участие в прикрытии отступления из Арденна я был награжден Железным Крестом 2-го класса 20 июля 1944 г.

К 19 августа в нашей роте оставалось всего 20 человек: один офицер, один унтер-офицер и 18 рядовых. Перед самым полуднем нам приказали переместить два наших оставшихся [полугусеничных] вездехода в следующую деревню. Мы уже собирались тронуться в путь, мимо нас промчался Фольксваген и угодил колесом в яму на дороге. Когда его потрянуло, из него вылетела пачка сигарет. Ее быстро поделили, и мы с удовольствием покурили перед тем, как тронуться в путь – для многих эта сигарета оказалась последней. Проехав метров 800, мы попали под сильный огонь. Оба вездехода получили повреждения и вышли из строя. Я быстро вернулся в деревню, откуда мы тронулись в путь, на своем мотоцикле и стал ждать. Наш офицер признал: «Думаю, мы в ловушке.» В конце концов, мы решили попробовать уйти в другом направлении, надеясь найти наш командный пункт. Когда мы добрались до него, от нашей роты оставалось всего два человека.

Позднее, когда я уже был в плену, я услышал от одного из своих товарищей, который тогда проехал мимо той самой точки, что оба вездехода полностью сгорели. Трупы валялись вокруг них всюду и везде, обугленные, сжавшиеся от жара до размера кукол в результате взрыва фосфорных бомб. Так погибла 14-я Рота.

Киншеру удалось сесть на проходивший мимо трехтонный полугусеничный вездеход с установленной на него 37-мм пушкой и немного проехать дальше, пока они не уперлись в огромную транспортную пробку близ какой-то деревни.

Добравшись до деревни, мы поняли в чем была причина пробки на подъезде к ней. Вражеский танк расположился прямо в деревне на высоте с хорошим обзором, и никто не могли пробраться мимо него. Командовал всеми какой-то лейтенант. Я спросил у него, есть ли тут что-нибудь, с помощью чего мы могли справиться с танком. Оглядевшись, я увидел брошенную кем-то 75-мм противотанковую пушку без боеприпасов. Однако я вспомнил, что видел где-то по дороге ящики со снарядами, и отправил пару парней назад, чтобы найти их. Мы выкатили пушку на позицию для ведения огня. Здесь мне пригодилось то, что я в прошлом обучался использованию 20-мм пушки, и со второго снаряда мы вывели танк из строя. Лейтенант нашел меня, чтобы поблагодарить, и прицепил к моему кителю свой собственный Железный Крест 1-го класса. Вскоре после этого в развалинах какого-то дома он с помощью карты разъяснял свой план прорыва, который подразумевал разделение всех сил на две группы. Тут прозвучал выстрел, и он упал замертво: у него вырвало половину шеи разрывной пулей... Некоторые из солдат, укрывшиеся в домах, уже потеряли надежду, однако с автоматом в руках я убедил их в том, что имело смысл продолжать сражаться. Я сказал им попытаться прорваться в южном направлении, как предполагал лейтенант. И тут неожиданно прямо посреди нас оказалась английская автоколонна с грузами. Мы снова вступили в тяжелый, рукопашный бой, и в этой свалке я был ранен pistolетной пулей. Мне удалось скрыться за каким-то домом, где я снял с себя китель, чтобы разглядеть рану на моей груди. Пуля не прошла навывлет. Я надавил кулаком на входное отверстие, чтобы остановить хлещущую кровь, и быстро понял, что получил ранение в легкое... Через какое-то время появились двое проходивших мимо солдат. Они дали мне перевязочный пакет, чтобы я мог его прижать к ране. К этому времени бой, вроде, стих. Примерно через час появились еще два солдата, которые затащили меня в дом, где был врач. Я уже не мог передвигаться самостоятельно из-за потери крови. Врач сделал мне очень плотную перевязку и укол. Всего в комнате нас было 11 человек.

К вечеру доктор сумел найти для перевозки раненых поврежденный грузовик с соломой на полу кузова. Тех из нас, кто еще был жив, уложили в фургон, и мы тронулись в путь. Через несколько километров мы попали под сильный пулеметный огонь. Доктор замахал флажком с красным крестом, и огонь прекратился. Затем он пошел договариваться о

беспрепятственном проезде для нас, но вскоре вернулся и поведал о том, что ему отказали. Чтобы делать что-то дальше, мы должны были капитулировать. Мы выбросили остающееся у нас оружие в ручей и стали ждать. Для нас война закончилась. Было уже темно, когда прибыли две английские санитарные машины и отвезли нас на перевязочный пункт, где нас осмотрел английский врач. После осмотра пришел английский капитан со священником и спросил меня, к какой церкви я принадлежу. Врач сказал им, что я вряд ли выживу и они хотят дать мне последнее причастие. Однако на следующее утро я был еще жив. Меня погрузили в санитарную машину и отвезли в более солидный перевязочный пункт, а потом в полевой госпиталь близ Байё/Bayeux, где 22 августа меня прооперировали. В начале сентября меня переправили в Англию, где мое лечение продолжилось. Чтобы победить воспаление, мне сделали, в общей сложности, 68 инъекций пенициллина, но 19 октября врачи снова сдались и снова позвали к моей постели священника. И снова я выжил, и силы начали возвращаться ко мне. Должен сказать, что лечение я получил превосходное.

- * *Во время боев в районе Арденнского аббатства 7-8 июня 1944 г. солдаты дивизии Hitlerjugend убили не менее 18 военнопленных канадцев*

МАНФРЕД ТОРН/MANFRED THORN

МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ ТАНКА

1-й Танковый Полк SS

1-я Танковая Дивизия Leibstandarte SS Adolf Hitler

18 июля 1944 года я находился в пути к городку Тийи-ла-Кампáнь/Tilly-la-Campagne в одном из 25 танков, покинувших рано утром того же дня городок Бюлли-сюр-Лорн (?)/Bully-sur-L'Orne. Я вел танк под номером 734 и, несмотря на мои 19 лет, считался одним из ветеранов части. Мы въехали в полностью оставленную жителями деревню, не имея понятия о том, что нас ожидает. Все дома были в целости и сохранности, и деревня была окружена ярко-зелеными полями и лугами. Наш взвод остановился на восточном краю деревни в саду, танки были повернуты на северо-восток в сторону городка Бургбюс/Bourguebus. Я выбрал для своего танка позицию рядом с последним домом и хорошенько его замаскировал. Звуки боя доносились до нас все еще издалека, но раз за разом шальные снаряды залетали в деревню и вынуждали нас бежать к нашим танкам, чтобы найти укрытие. На следующий день артиллерийские снаряды превратили сад в рощу из пней и обрубков.

Мы постепенно научились различать между снарядами, выпущенными из полевых пушек, и снарядами корабельной артиллерии. По мере того, как точность стрельбы увеличивалась, нам разрешили подъехать ближе к домам, чтобы найти рядом с ними укрытие. К этому времени наши маскировочные сети были снесены взрывными волнами, поэтому мы сорвали посадки винограда со стен дома и укрыли ими наш танк.

22 июля барраж продолжался почти два часа. Однако это было только начало. Пехота, которая располагалась перед нашими позициями, вообще не имела каких-либо укрытий от снарядов, а мы в своих танках почти задохнулись от жара и дыма. Температура внутри машин достигала 45 градусов. Обстрелы разрушили деревню и лишили нас доступа к воде для питья и помывки. По счастью, в подвале одного из домов нашлось большое количество сидра. Мытье сидром – дело липкое, скажу я вам! В любом случае, в следующие две недели у нас было мало или вообще никаких возможностей помыться или сменить одежду – и то, и другое было бы просто восхитительно.

25 июля бомбардировка началась в 6 утра, и на этот раз она пришла с воздуха. Ее цель находилась всего в 2 км от нашей деревни. Она продолжалась два часа, и в ней

участвовало около 70 бомбардировщиков. Но это была только воздушная часть бомбардировки. Эти атаки действовали на нервы, если не сказать больше, и мы ждали вечера, когда становилось потише. Противник тоже, казалось, хотел перерыва вечером, чтобы его солдаты могли поесть и отдохнуть. Наш фургон с питанием мог подъехать к нам только в темное время суток, поэтому мы съедали весь наш дневной рацион в 23.00. В тот вечер наводчик и я были отправлены на поиски продуктов, и, пробираясь на другую сторону деревни, мы пришли в ужас от разрушений, которые мы увидели. Не осталось ни одного целого дома.

Танкисты дивизии *Leibstandarte SS Adolf Hitler* маскируют свой танк. Нормандия, лето 1944 г.

<https://au.pinterest.com/pin/145944844158014181/>

Утром следующего дня, под прикрытием артиллерийского огня, части [канадского полка] *North Nova Scotia Highlanders* приблизились к деревне. Каким-то образом 15 или 16 солдат противника просочились через позиции нашей пехоты и стали окапываться с другой стороны стены, которая ограждала сад, в котором мы находились. Сначала мы было подумали, что это кто-то из наших отступивших пехотинцев. Но, когда стало светлее, наш командир разглядел каски *томми*. Они, само собой, не имели понятия о том, что мы были рядом, поскольку мы были хорошо замаскированы.

Мы быстро поняли, что скорость и внезапность могут стать нашими союзниками, поэтому я завел двигатель выехал из развалин дома и проломил древнюю стену высотой метра в полтора. Потом я впервые увидел солдат противника, замерших в своих окопах в превеликом удивлении, - всех, кроме двух саперов, которые тут же попытались выстрелить в нас в упор из трехдюймового миномета. Однако фугасный снаряд нашей пушки быстро отвел эту угрозу. Мы прокричали *hands up!*, и большинство из них подчинилось. Тем не менее я заметил троих или четверых хитроумно вдавившихся в стенку их траншеи так, что их едва можно было разглядеть. Я повел танк в их сторону, остановился, когда гусеницы нависли над траншеей, и навел на них пушку. И они сдались! Так в наших руках оказались наши первые пленные *томми*. Это были молодые высокие канадцы, жующие резинку и державшиеся гордо даже тогда, когда их повели прочь.

1 августа канадцы попросили прекратить огонь, чтобы вытащить своих раненых, и получили эту возможность. Там было очень много убитых, раненых и умирающих. Это было

неудивительно: такой была местность – плоская, не дававшая возможности найти укрытие. Наши пехотинцы тоже помогали им оттащить раненых к их машинам...

На следующий день, 2 августа, начался жесточайший артобстрел, нацеленный на то, чтобы покончить с нами. Он начался в 4 утра, и одновременно на нас обрушились тысячи снарядов. Штурмовики *P-38 Lightning* присоединились к атаке. Никто из участников тех боев не забудет это. Единственная целая стена, за которой мы прятались, обрушилась на башню нашего танка, и нам пришлось откапывать его. Один наш танк из 4-го Взвода был сильно поврежден. Куски его брони упали на колени водителю и отсекали ему ноги. Он молил своих товарищей покончить с ним... Повсюду были видны воронки такого размера, что в них мог поместиться целый танк. Мы и правда думали, что нам пришел конец. Просто поразительно, что только один из наших 15 танков получил повреждения. Мы сидели в наших машинах, стоял оглушительный грохот, каждый думал о своем. Мы смотрели туда, откуда должен был прийти враг. Мы знали, что они придут, как только закончится артобстрел. Будет ли это тот бой, в котором мы не сможем победить? Противник едва ли верил, что в деревне хоть кто-то остался в живых. Однако мы были еще живы, и на следующий день мы все еще сражались. Историк полка *Калгарииских Горцев (Calgury Highlanders)* так написал про нас: «Гунн – он словно крыса. Ты можешь ударить его столько раз, сколько захочешь, и все равно будет мало.»

В итоге, 5 августа, нас вывели из этого ада после трех недель оборонительных боев. 89-й Пехотный Полк занял наши оборонительные позиции и сумел продержаться в этой деревне еще два дня... До этих событий я воевал только на Восточном Фронте. Ничто из моего предыдущего опыта не могло подготовить меня к тому, что случилось в Тийи-ла-Кампáнь. Тактика непрерывных артобстрелов, длившихся часами, была психологически убийственной и стала физической пыткой.

По мне, когда сегодня политики играют с идеей отправки молодых парней на войну, неплохо было бы дать им возможность принять участие в реконструкции боев за этот город и испытать на себе, что это такое – быть солдатом, и пройти через то, что от солдата ожидают ...

РУДИ ШПЛИНТЕР/RUDI SPLINTER

SS-ROTTENFÜHRER

10-я Танковая Дивизия SS Frundsberg

В августе 1944-го мы заняли позиции в небольшом лесочке, вырыли себе окопчики и поставили нашу машину сверху, чтобы улучшить укрытие. Мы едва успели обустроиться, когда командиры отделений получили приказ явиться к командирам рот. Мы собирались пойти в атаку, поддержанную группой самоходных орудий, чтобы захватить небольшую деревню. Некоторые из парней двинулись в атаку на броне самоходок, а остальные пошли вслед за ними. Тут мы попали под минометный огонь. Машины остановились, все прижалось к земле и заползли под них, упаковавшись, как сардины в банке.

Когда обстрел прекратился, мы продолжили продвижение по дороге, которая подныривала под железнодорожный мост. С другой его стороны, метрах в 50 от моста, мы увидели два танка *Шерман/Sherman*. Мы слышали, как над головой у нас пролетели снаряды со

звуком *в-у-у-у-щ*, а затем увидели мощные столбы дыма. Мы двинулись дальше, под мост, а затем увидели два горящих *Шермана* – наши самоходки попали точно в цель. Мы

продолжили на марш и вышли к небольшой ферме. Я зашел за угол одного из домов и оказался прямо рядом с самоходкой, которая тут же и выстрелила. Я в жизни не был рядом с самоходкой, и этот выстрел сбил меня с ног. Я побрел, шатаюсь, ощупывая себя на предмет травм, когда открылся люк самоходки и один из танкистов, которого все это весьма позабавило, спросил меня: «Что случилось, парень, думаешь, в тебя попали?» Сразу после этого мы попали под огонь пулемета, находившегося на противоположной стороне от дороги, поэтому офицер приказал мне и еще двум парням заняться им. Мы открыли огонь из нашего стрелкового оружия и вскоре пулемет замолчал. Появился белый флаг. Я не говорил по-английски, но знал слова *hands up*, и мы дружно их прокричали. Я не мог поверить тому, что увидел, когда они вышли [из леса]. Они выходили один за другим, пока их не оказалось более 80 человек. Один из них был офицером, который носил пистолет на шнуре, висевшем у него на шее. Он был довольно заносчив и настаивал на том, что, будучи английским офицером, он не должен сдавать свое личное оружие. Он был высокомерен в своей самоуверенности и почти сумел убедить меня в этом, но один из наших парней терпеть это не стал. Он подошел к офицеру, вытащил свой острый боевой нож, схватился за шнур и перерезал его, а затем сделал то же самое с его поясным ремнем. На лице офицера я увидел ужас. Уверен, он полагал, что мой товарищ собирается воткнуть свой нож ему в кишки...

Пока пленных собирали в кучу, я обошел вокруг ближайшего дома и был потрясен. Увидев раненого англичанина, бредущего мне навстречу с прижатыми к шее руками, из-под которых лилась кровь, я немедленно перетащил его на другую сторону от этого дома, туда, где собирали остальных, и начал перевязывать его раны. Помню, каким отвратительным для меня было то, что никто из его товарищей не попытался помочь ему, - они просто стояли и смотрели на него...

Нам приказали отконвоировать пленных в тыл, обязав их держать руки над головой. Идти на любое расстояние с руками над головой очень утомительно, так что через короткое время я жестом показал им опустить руки. Мы прошли небольшое расстояние, когда какой-то унтер-офицер из противотанкового подразделения выскочил из-за кустарника, растущего вдоль дороги. Солдаты его подразделения были так здорово замаскированы, что мы их просто не заметили. Он спросил нас, кто тут старший, а затем начал отчитывать меня за то, что я разрешил пленным идти с опущенными руками. Находившийся рядом со мной пленный не говорил по-немецки, но понял, о чем идет речь, и не без удовольствия смотрел на то, как меня песочат. Мне пришлось показать им, чтобы они опять подняли руки вверх, но, как только мы скрылись из поля зрения [унтер-офицера], я опять разрешил им опустить руки.

Позднее, после того, как мы избавились от пленных, и когда мы наслаждались захваченными у них пищевыми рационами и такими деликатесами, как шоколад, белый хлеб, сигареты *Gold Flake* и даже туалетная бумага, нас насторожил шум приближающейся машины. Это был британский бронетранспортер с установленным на нем пулеметом *Брен/Bren*. Мы открыли огонь из пулеметов, и экипаж бронетранспортера просто выскочил у него и сбежал, оставив мотор работающим. Один из наших парней был вроде как чудомеханик. Он тут научился водить его, и мы отправились на нем за нашими собственными пищевыми рационами. Один из наших парней держал свою каску на виду, чтобы наши истребители танков типа тех, с которыми мы столкнулись раньше, не приняли нас за противника. Мы вернулись с нашими рационами, хотя потом бросили их, потому что трофейные британские были намного лучше. Я представлял себе, что, захватив те наши позиции, противник решит, что мы бежали в такой панике, что побросали свои пищевые рационы.

1 сентября 1944 г. я оказался на *Rue de Paris*, километрах в 10 от городка Ирсон/Hirson (город на франко-бельгийской границе в 350 км от Аахена) среди дезорганизованной толпы других солдат. Мы маршировали всю ночь. Толпа состояла из остатков 2-й Дивизии *SS Das Reich*. Не так много людей осталось от этой дивизии, после [обстрела и/или бомбежки – ВК?] у городка Перси/Percy, когда были потеряны целый артиллерийский полк и целое подразделение зенитной артиллерии, и после прорыва из Фалезского котла. К нам присоединились какие-то десантники, какие-то пехотинцы из 2-й Танковой Дивизии и танк

M IV из учебной танковой дивизии. Мне также удалось привести в движение танк *Пантера/Panther*, ранее брошенный из-за того, что в нем не осталось горючего. Около 4 утра унтершарфюрер Петер Кузине (Peter Cousine) сказал, что, поскольку время идет, нам нужно спрятаться в укрытие, потому что вскоре появятся штурмовики противника и перестреляют нас. На перекрестке дорог я приказал командиру танка *Пантера*, унтер-офицеру, занять позицию примерно в 100 м от перекрестка и прикрыть его. Я указал ему, где будем находиться все мы, обозначив на карте ферму, расположенную километрах в трех дальше на восток, по левую сторону от дороги на Ирсон. С ним я оставил двух пехотинцев в качестве вестовых. Мы проехали на *M IV* вдоль дороги, ведущей на ферму, держась в стороне от дороги (с воздуха в густом лесу нас не было видно). До того, как я разрешил людям отдохнуть, мы прикинули, что у нас есть из припасов. Горючего едва хватало, чтобы завести моторы, но для *M IV* у нас еще были два бронебойных и два фугасных снаряда, продуктов пока было достаточно. Осталось раздобыть горючее. Кузине с водителем добрался до Ирсона в трофейном джипе. Через несколько часов он вернулся и доложил, что в городе нет и литра горючего, а вокруг нет ни одного немецкого солдата. Я приказал командиру артиллеристов и командиру танка явиться ко мне, когда до нас донеслись звуки стрельбы, открытой самолетами-штурмовиками. Их атака продолжалась пару минут, и затем мы увидели столб дыма, поднимавшийся над тем местом, где стояла наша *Пантера*. Через час пехотинец приволок водителя танка. Он обгорел, его лицо было черным от ожогов, руки кровоточили. Я перевязал его и дал глотнуть коньяку, после чего он заснул, как мертвый. До того, как уснуть, он доложил, что все остальные члены экипажа погибли. Штурмовик застал их врасплох, атаковав со стороны солнца. Просто чудо, он уцелел с относительно небольшими травмами. Командиры групп собрались, и я спросил их мнение о том, что мы можем сделать. Они ответили единогласно: вывести из строя *M IV* и пушки и двигаться дальше пешим ходом. Неожиданно появился пехотинец – один из тех, кто патрулировал дорогу, ведущую к ферме. Он доложил, что американские полугусеничные вездеходы и джипы появились из-за поворота дороги, направляясь в нашу сторону. Я приказал людям избегать шума и вместе с Кузине пошел проверять, соответствует ли доклад действительности. Около 18.00 мимо нас по дороге, не далее, чем в 200 м, проехала большая колонна американцев.

Теперь мы стали торопливо готовиться к отходу. Вывели из строя все тяжелое оружие и равномерно распределили стрелковое оружие и небольшое количество гранат между всеми. Набили рюкзаки пищевыми рационами и котелками с водой. Все было готово к маршу, когда стемнеет. Раненого водителя *Пантеры* мы отправили еще после полудня вместе с водителем, которому было приказано найти перевязочный пункт. Позднее я узнал, что они добрались до своих, и наш водитель помогал эвакуировать госпиталь.

Когда стало темно, мы ушли с фермы, продвигаясь по лесу или за живыми изгородями параллельно основной дороге. Через три километра мы пересекли еще одну дорогу, которая уходила прямо на север. Ощутимый шум, доносившийся с расстояния всего в несколько сотен метров, привлек наше внимание. Большая колонна американских машин стояла на обочине дороги, явно на привале. Казалось, они чувствуют себя в полной безопасности: играли радиоприемники, горели фары, и уже вскоре до нас донесся запах горячей пищи. Я приказал поддерживать полную тишину. Мы просто сидели и ждали. Около 22.00 они снова тронулись в путь, дав нам возможность продолжить путь через лес и зарослями кустарника. Карты, которые были у меня, оказались очень точными...

Часа в 4 утра мы заметили дом со светом в окнах. Осторожно подошли. Часовой, по-видимому, спал. Сняв оружие с предохранителей, мы пошли на приглушенные голоса. Люди говорили по-немецки! Я приказал парням опустить оружие и вошел в дом, в котором горели свечи. В этот же момент снаружи поднялся шум: часовые увидели моих солдат. Один из людей, находившихся в доме, встал – это был гауптштурмфюрер. Пока я докладывал, в комнату вошел оберштурмбанфюрер. Я вспомнил – это, должно быть, Отто Вайдингер (Otto Weidinger), командир полка *Der Führer*. Я прояснил ситуацию и спросил, какие будут приказания. Он посоветовал мне действовать по своему усмотрению. Я сказал ему, что хочу отвести своих людей в Германию, перебравшись через реку Маас (Meuse) и избежав потерь.

Наша группа тронулась в путь, и мы продолжили марш безо всяких контактов с противником. Около 11 утра мы уткнулись в немецкую оборонительную позицию. Часовой отвел нас в какое-то шато, где располагался штаб 116-й Танковой Дивизии. Я быстро прояснил ситуацию старшему штабному офицеру, вероятно, полковнику, который доложил обо всем по телефону находившемуся в соседней комнате командиру дивизии. Я объяснил полковнику, что их позиция небезопасна. В тот же момент появился часовой и отрапортовал, что на местности заметили американский танк. Я отдал честь, быстро собрал своих людей, которых преданный мне Кузине уже разбил на группы. Через две минуты мы снова маршировали через лес. Штабные машины дивизии промчались мимо нас, убегая на восток. Наступил полдень, и мы остановились, чтобы отдохнуть и перекусить, нуждаясь и в том, и в другом. К вечеру мы опять были в пути, находясь в районе Эп-Соваж/Erpe-de(?)-Sauvage, где услышали шум моторов. Проведя разведку, мы нашли брошенный грузовик, полный пищевых рационов. Было уже темно, мы пополнили свои припасы и двинулись дальше в сторону Мааса. Ночью мы опять провели моторизацию. Чтобы двигаться быстрее, мы реквизировали несколько велосипедов, телегу, на которую смогли погрузить все наши рюкзаки, и лошадь с местной фермы. Весь следующий день мы отлеживались в лесу, поскольку на карте дальше по пути больше было лесов, да и продвигаться в светлое время дня не было рискованно. Американцы и штурмовики были повсеместно, поэтому нам и ночью приходилось держаться подальше от деревень. К рассвету мы достигли Мааса. Я и еще двое парней, все – хорошие пловцы, внимательно осмотрелись. Берега здесь были сложены галечником, тогда как само русло было около 100 м в ширину. Течение было умеренным, а на противоположном берегу мы нашли удобную ложбину, по которой, казалось, выводят на водопой скотину. Кузине подготовил всех к переправе, и еще нашел плоскодонную лодку. Хорошие пловцы сами перебрались через реку, остальные воспользовались лодкой. Становилось светло, поэтому, переправившись, мы сразу укрылись в лесу, где поели и отдохнули.

Весь следующий день, в светлое время, мы шли по лесу. Со стороны дороги мы слышали обычный шум передвигающихся войск. Мы продвигались пешим ходом, оставив наши велосипеды, телегу и лошадь на том берегу Мааса. 8 сентября мы приблизились к городу Тё/Theux и нашли заброшенный склад. Там еще было кое-что из того, чем мы могли пополнить наши припасы. Город Вerveе/Verviers, который находился в 30 км от Аахена, мы обошли по широкой дуге. На другой день мы вышли из лесного массива прямо перед городом Эрезе/Erezee и повернули на юг, пройдя мимо городка Франкоршам/Francorchamps.

Этот опыт остался в памяти. В Эрезе, где не было войск противника (хотя мне сказали, что какие-то разведывательные патрули противника проехали через него), я выпил кофе в доме одной бельгийской семьи, сидя на террасе. Дело шло к вечеру, и, вопреки нашей обычной практике, мы прошли прямо через город, само собой, будучи начеку и готовыми открыть огонь в любой момент. Я спросил ее, говорит ли она по-немецки, она сказала «да». Оказывается, американцы прошли здесь раньше нас. Она угостила нас кофе, и мои люди, все – ветераны Восточного фронта, расположились на ночлег в ее саду. Все было просто как в мирное время. Мужчина, находившийся в доме, спросил меня, верю ли я все еще в то, что Третий Рейх победит, и, конечно, я был вынужден сказать «да».

На следующий день мы наткнулись на [группу] солдат из дивизии ополчения (Volksgrenadier Division). Это были пожилые люди, совсем необстрелянные. Они плакали от радости, когда, когда мы согласились взять их с собой. Мы двинулись дальше и вышли к дому лесника близ германской границы. В итоге, 11 сентября 1944 г., мы вышли к границе близ города Лосхайм/Losheim. Американцев поблизости не было, мы только иногда видели разведывательные патрули, которые оставались далеко за пределами досягаемости нашего оружия. Не было слышно артиллерии, не было видно штурмовиков и танков: очевидно, противник не особенно интересовался этой территорией. Мы вздохнули с облегчением. Я нашел бургомистра и священника и организовал места для расквартирования моих людей. Кузине я отправил в тыл для доклада тому начальству, которое ему попадется по дороге.

Я испытывал огромное удовлетворение от того, что привел к своим почти 50 человек. Оглядываясь назад, я думаю, что это было моим наибольшим достижением за всю войну. Но, главным образом, это было достижением унтер-офицеров и солдат, поведение которых во время выхода из окружения сильно облегчило мою задачу и дало на возможность вновь обрести свободу...

Могила солдата Waffen-SS. Нормандия

<http://www.alamy.com/stock-photo-world-war-2-the-grave-of-a-german-soldier-normandy-1944-waffen-ss-20230034.html>

По книге Gordon Williamson. Loyalty is my honour. 1995

Перевод и обработка – Владимир Крупник

